

RU

Трансформация литературных и фольклорных жанровых структур
в «Сказке об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (1885-1886)

Сизова И. И.

Аннотация. Цель исследования – раскрытие особенностей трансформации литературных и фольклорных жанровых структур в «Сказке об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (1885-1886). В статье выявляется жанровое многоголосие этой литературной сказки писателя в сопоставлении ее содержания с проблематикой философской повести Вольтера, социальной утопии Т. Мора, Ф. Бэкона и Платона, с поэтикой фольклора (сказки, былины, загадки) и воинской повести. Научная новизна работы заключается в установлении связи художественных «идей» Толстого в «Сказке об Иване-дураке...» с гуманистическим принципом его религиозно-философских и публицистических сочинений 1880-1900-х гг. (пацифизм, критика исторических форм рабства, апология ненасилия и всеобщей любви); в историко-теоретико-литературном обосновании ее жанрового генезиса. В результате исследования жанровая форма литературной сказки Толстого была охарактеризована как сложная структура, сочетающая признаки разных типов словесно-художественного творчества; получили классификацию способы художественного решения в этом произведении социально-философской и этической проблематики, свойственной философским повестям, социальным утопиям и народной сказке; новыми фактами было дополнено научное знание о фольклорной и древнерусской рецепции в сюжете, темах, образах и деталях.

EN

Transformation of literary and folklore genre structures
in the literary fairy tale “Ivan the Fool” by Leo Tolstoy (1885-1886)

Sizova I. I.

Abstract. The study aims to shed light on the peculiarities of transformation of literary and folklore genre structures in the literary fairy tale “Ivan the Fool” by Leo Tolstoy (1885-1886). The paper reveals the genre polyphony of this literary fairy tale by Tolstoy in comparison of its content with the problems of the philosophical novella of Voltaire, the social utopia of Th. More, F. Bacon and Plato, with the poetics of folklore (fairy tales, epics, riddles) and the military novella. The scientific novelty of the paper lies in determining the connection between Tolstoy’s artistic “ideas” in “Ivan the Fool” and the humanistic principle of his religious, philosophical and journalistic writings of the 1880s and 1900s (pacifism, criticism of historical forms of slavery, advocacy of nonviolence and universal love); in providing a historical and theoretical literary substantiation of the genre genesis of Tolstoy’s tale. As a result of the study, the genre form of Tolstoy’s literary fairy tale was characterized as a complex structure combining features of different types of literary creativity. The methods of artistic solution in this work containing socio-philosophical and ethical issues peculiar to philosophical novellas, social utopias and folk tales were classified. Scientific knowledge about folklore and ancient Russian reception in the plot, themes, images and details was supplemented with new facts.

Введение

Актуальность данного исследования вызвана непреходящим интересом в научной среде к религиозно-философским, публицистическим, эстетическим сочинениям, прозе и драматургии Л. Н. Толстого 1880-1900-х гг. Возвращение писателя в начале 1880-х гг. к идее народности (общедоступности) искусства, образование в 1884 г. издательства «Посредник» обусловили появление в творческой лаборатории Толстого цикла произведений для народной аудитории. Эти произведения явились художественной переработкой, по мнению писателя, подлинно народной литературы, которая активно бытовала в трудовых слоях населения, объединяла фольклорные и средневековые литературные памятники (Николаева, 2000, с. 103). Однако оригинальным авторским сочинением среди переработок Толстого фольклорных и средневековых сюжетов явилась «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» (1885-1886).

В исследовательской литературе открыты вопросы о жанровом и идейно-тематическом своеобразии народных рассказов и драм Толстого 1880-х гг., о способах их изучения. Начиная с 1960-х гг. ученые перестали рассматривать народные произведения как «периферийную» область творчества писателя и стали определять их место в процессе *всей* творческой деятельности автора (Фудзинума, 2006, с. 163). Сложилось мнение и о *сложной* жанровой структуре рассказов этого цикла, которые писались не только для народа и в которых Толстой проверял или прояснял свои идеи (Маймин, 2015, с. 573). По жанровым признакам рассказы оказались близки роду *притчи* и *поучения*, но в то же время они явились символами социальной и материальной жизни, потому что выражали не только сугубо религиозный, но и общечеловеческий, «общенравственный» смысл (Маймин, 2015, с. 573, 575).

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи:

- оттолкнувшись от письма к Толстому критика Н. Н. Страхова от 26 октября 1885 г., рассмотреть жанровые черты «Сказки об Иване-дураке...» как литературной сказки, близкой по своему содержанию философской повести Франсуа-Мари Аруэ Вольтера («Микромегас») и социальным утопиям Томаса Мора («Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства, и о новом острове Утопии»), Фрэнсиса Бэкона («Новая Атлантида») и Платона («Государство»);
- по дневникам и произведениям 1880-1900-х гг. выявить отношение писателя к указанным Н. Н. Страховым в письме от 26 октября 1885 г. авторам (Вольтеру, Мору, Бэкону и Платону);
- обобщить и расширить имеющиеся в научной литературе сведения о фольклорной рецепции в «Сказке об Иване-дураке...», обосновать ее связь с древнерусской литературой, установить происхождение образа «дурака», метафоры о «воеводстве» «старого дьявола», топонимов «индейский» и «тараканский».

Материалом для исследования послужили литературные сказки Л. Н. Толстого 1870-1880-х гг., дневники и эпистолярное наследие, публицистические и религиозно-философские произведения писателя 1880-1900-х гг. по следующим источникам:

- Толстой Л. Н. Сказка // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100-та т. М.: Наука, 2014. Т. 9. Художественные произведения 1863-1884 / ред. тома П. В. Палиевский.
- Толстой Л. Н. Сказка об Иване-дураке... // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25. Произведения 1880-х гг.
- Дневники и записные книжки Л. Н. Толстого 1870-1880-х гг.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1952. Т. 48. Дневники и записные книжки 1858-1880 гг.; Т. 50. Дневники и записные книжки 1888-1889 гг.
- Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2-х т. / сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова; под ред. А. А. Донскова. Оттава: Оттавский университет, 2003. Т. 2.
- Публицистика Л. Н. Толстого 1890-1900-х гг. – «Приближение конца» (1896), «Одумайтесь!» (1904): Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1954. Т. 31. Произведения 1890-1900-х гг.; 1936. Т. 36. Произведения 1904-1906 гг.
- Религиозно-философские сочинения Л. Н. Толстого 1900-х гг. – книги афоризмов «Круг чтения» (1904-1908), «Для души» (1909), «На каждый день» (1906-1910): Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1956. Т. 40. Произведения 1886, 1903-1909 гг.; 1957. Т. 41. «Круг чтения». 1904-1908. Т. I; 1929. Т. 43. «На каждый день». 1906-1910. Ч. I.

К анализу и учету также привлекались произведения фольклора, античной и древнерусской, русской и зарубежной литературы XVI-XIX вв. – сказки, загадки и былины (Журавлев, 2005; Пропп, 2021), «Государство» Платона, воинские повести, сказка «Конек-Горбунок» П. П. Ершова, «Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил» М. Е. Салтыкова-Щедрина, повести «Задиг» и «Микромегас» Вольтера, «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» Томаса Мора, «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона по таким источникам:

- Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3-х т. / подг. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 3.
- Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыт и наставления нравственные и политические / пер. З. Е. Александровой, статья и прим. Ф. А. Коган-Бернштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Вольтер. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря» / вступ. ст. А. Михайлова; пер. с фр., прим. А. Михайлова, В. Кузнецова. М.: АСТ; Астрель, 2011.
- Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии / пер. и коммент. А. И. Малеина; предисл. В. П. Волгина. М. – Л.: Academia, 1935.
- Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова; вступ. ст. Е. Н. Трубецкого; коммент. В. Ф. Асмуса; прим. А. А. Тахо-Годи. Изд-е 2-е. М.: Академический Проект, 2015.
- Русская литература XI-XVIII вв. / сост., вступ. ст., прим. Л. А. Дмитриева и Н. Д. Кочетковой. М.: Художественная литература, 1988.

В статье были систематизированы отзывы Толстого на указанные сочинения и особенности их художественного осмысления писателем, за исключением литературных сказок П. П. Ершова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, которым посвящены отдельные труды литературоведов (Маймин, 2015; Ищук, 1966).

Теоретическую базу исследования составили научные труды о характере обработки Толстым фольклорных сюжетов о трех братьях и о нечистой силе в «Сказке об Иване-дураке...» (Арденс, 1962, с. 413-415; Гусев, 1970, с. 464-465; Бирюков, 2000, с. 35; Куценко, 2009, с. 105-106), о жанровом своеобразии этого произведения как *литературной сказки* (Шкловский, 1963, с. 615-617; Ищук, 1966, с. 43-44; Маймин, 2015, с. 577-579),

об истории текста и поэтике «Сказки об Иване-дураке...» в ранних рукописях (Сизова, 2023), об обращении Толстого к жанру литературной сказки в 1870-х гг. (Прокопчук, 2014). Также были привлечены труды по фольклористике и рецепции устного народного творчества в произведениях Толстого (Зуева, Кирдан, 2001; Пропп, 2021; Журавлев, 2005; Бабаев, 1981), по сравнительному литературоведению (Стороженко, 1912) и по теории литературы (Эстетика, 1989; Литературная энциклопедия..., 2001; Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2002).

Автор статьи сочетает несколько методов исследования: биографический, благодаря которому биография, личность и мировоззрение Толстого учтены как «определяющие моменты» создания «Сказки об Иване-дураке...» (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2002, с. 48); компаративизм, позволивший рассмотреть «художественный диалог» Толстого с Вольтером, Мором, Бэконом, Плутоном, выявить фольклорную и древнерусскую рецепцию в «Сказке об Иване-дураке...» и в этой связи уточнить жанровый генезис произведения (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2002, с. 76); а также культурно-исторический, давший возможность трактовать творчество Толстого 1880-х гг. как «документ эпохи», отразивший духовную жизнь народа/нации, представителей разных социальных слоев Российской империи второй половины XIX в. (Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2002, с. 61).

Жанр произведения понимаем как: 1) исторически обусловленный словесно-художественный тип произведений, обозначенный традиционным термином (в рамках темы настоящей работы – это фольклорная сказка, литературная сказка, философская повесть и социальная утопия); 2) тип, модель конкретного литературного произведения, структура которого синтезирует разные типы художественного целого (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 264-265). Рассматривая творческую манеру Толстого, мы обосновываем право художника *смешивать* разные жанровые структуры в одном произведении, что давало ему возможность отразить многообразные жизненные явления и показать их оценку (Эстетика, 1989, с. 89-90).

Практическая значимость статьи заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при формировании научного аппарата Полного собрания сочинений Толстого в 100-та томах (художественные произведения в 18-ти томах), в вузовских курсах по истории русской и зарубежной литератур, по философии, при составлении учебных пособий.

Обсуждение и результаты

26 октября 1885 г. критик Н. Н. Страхов, ознакомившись с присланной ему от В. Г. Черткова рукописью «Сказки об Иване-дураке...», отметил в письме к Толстому близость содержания пока еще незавершенной литературной сказки автора («сказки без сказочного содержания») проблематике философской и социальной утопии: «Отчего бы Вам не писать сказок? Их писали и Вольтер и Мор, и Бакон и Платон. И Вы можете писать не хуже» (Л. Н. Толстой..., 2003, с. 693, 694). «Со времени появления письменной литературы, – полагала Т. В. Зуева, – сказки привлекали внимание писателей, которые, используя их поэтику, а также темы, сюжеты, образы, прошли путь от переработок фольклорных сказок до создания новых жанровых форм (стихотворных и прозаических)» (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 993).

Немногие литературоведы видели в «Сказке об Иване-дураке...» Толстого не *переработку* фольклора, а *новую жанровую форму*. Е. А. Маймин (2015, с. 577) провел параллели между толстовской сказкой и сказкой «Конек-Горбунок» (1830) П. П. Ершова (1815-1869), главным персонажем которой является крестьянский сын Иванушка-дурачок. «Целиком толстовской сказкой» назвал произведение В. Б. Шкловский: «Иван-дурак – это крестьянин, Семен-воин – это воин-дворянин, Тарас-брюхан – купец, старый дьявол, работающий головой и соблазняющий Ивана, – интеллигент» (1963, с. 615). В. Б. Шкловский подчеркивал: сказка Толстого «не имеет в основе заимствования из народного источника. Из фольклора перешли сюда только троичность братьев и симпатия к третьему – младшему брату, которого считают дураком» (1963, с. 615).

Г. Н. Ищук (1966, с. 43) приблизил жанрово-стилистические особенности «Сказки об Иване-дураке...» к типу политической сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826-1889), связав «трудовую этику» сказки Толстого с главной идеей «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» (1869). По мысли ученого, поэтику писателей объединили социальная сатира, акцент на злободневной и конкретной политической современности. В идейно-художественном составе у Толстого, в отличие от Щедрина, над социально-политическим элементом превалирует элемент социально-нравственный (Ищук, 1966, с. 44).

Как видим, точка зрения Н. Н. Страхова в его письме к Толстому от 26 октября 1885 г. о близости идейно-тематического своеобразия «Сказки об Иване-дураке...» содержанию философской повести и социальной утопии осталась вне интереса исследователей. К идейно-художественным принципам жанра *философской повести*, сформировавшегося в эпоху Просвещения, принято относить морализацию и дидактизм, построение сюжета как доказательства или опровержения определенного философского тезиса, введение в повествование героев – носителей авторских идей (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 824).

В основе литературного жанра *утопии* (от греч. «место, которого нет»; другое значение – «благословенное место») лежит изображение идеального несуществующего общества, подробно регламентированного. Этот уклад противопоставлен реально существующему социальному устройству, далеко не идеальному (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 1117). Негативные тенденции в развитии обществ как предмет изображения нередко получают в утопиях *сатирическое* (отрицательное) отношение автора, которое определяет выбор изобразительно-выразительных средств и общий характер образов (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 935-936).

В 1873 г. Толстой уже обращался к жанру литературной сказки с философским и фантастическим содержанием. В незавершенном отрывке «Сказка» (Толстой, 2014, с. 123-124) были подвергнуты критике основы общественного строя и затронуты важнейшие для толстовского мировоззрения темы – смерти, полемического

осмысления науки и традиционных религиозных конфессий, противопоставления города и деревни, социального неравенства (Прокопчук, 2014, с. 397-399).

«Сказка об Иване-дураке...», написанная для интеллигенции и народа (Толстой, 1937, с. 115-138), выражает в художественной форме основные тезисы религиозно-философских и публицистических сочинений Толстого 1880-х гг.: идею о непротивлении злу насилем, критику военной стратегии государств, товарно-денежных отношений и налоговой системы обществ, идею о порабощении сильным слабым посредством меча и денег, прославление земледельческого труда, антитезу умственной деятельности и физического труда в истории человечества (Сизова, 2023, с. 408, 422-425).

Композиционно сюжет произведения состоит из следующих «простейших повествовательных единиц», или «мотивов» «сказочного текста» (Зуева, Кирдан, 2001, с. 136).

1. Три сына богатого старика крестьянина (Семен, Тарас и Иван) мирно делят семейное имущество. Недовольный этим «старый дьявол» посылает трех чертенят рассорить братьев.

2. Чертенята одерживают победу над «Семеном-воином» и «Тарасом-брюханом», но терпят поражение от крестьянствующего «Ивана-дурака».

3. В борьбу с Иваном вступает «старый дьявол»; он испытывает дурака и жителей его «царства» войной, деньгами, предлагает им заменить физический (земледельческий) труд умственной работой.

4. Иван и «дураки» одолевают «старого дьявола»: тот проваливается под землю вслед за тремя чертенятами.

Очевидным предшественником Толстого из списка Н. Н. Страхова в письме от 26 октября 1885 г. является французский писатель, философ и историк Вольтер (Франсуа-Мари-Аруэ, 1694-1778). Его философскую повесть «Задиг, или Судьба» (1748) Толстой оценивал высоко. 1 февраля 1889 г. писатель внес в дневник: «Читал Задига – много хорошего» (Толстой, 1952, т. 50, с. 31). Толстого и Вольтера вдохновил общий источник в «Задиге» и в рассказе «Чем люди живы» (1881, 1885-1886) – нравоучительный рассказ европейской средневековой литературы об ангеле и пустынноике, «мораль которого состоит в том, что человек должен беспрекословно преклоняться перед путями Провидения» (Стороженко, 1912, с. 31).

В статье «Одумайтесь!» (1904), созданной после начала русско-японской войны 1904-1905 гг., преломлен антивоенный пафос другой философской повести Вольтера – «Микромегас» (1752). Батальные сцены, образы братьев Ивана, «индейского» и «тараканского» царей из «Сказки об Иване-дураке...» (Толстой, 1937, т. 25, с. 130-131) восходят к рассуждениям Вольтера в «Микромегасе» о бесчисленных в истории человечества ссорах «маленьких животных» «из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи» и о неминуемом возмездии за развязанные войны для «варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это Бога» (Толстой, 1936, т. 36, с. 103).

Толстой осмысляет здесь гл. VII «Микромегаса» под названием «Разговор с людьми». Житель Сириуса, возмущенный «разгулом бешеной злобы» в человеческих войнах, испытывает желание тремя ударами каблука «раздавить этот муравейник, населенный жалкими убийцами» (Вольтер, 2011, с. 136). Философы, составляющие «разумное меньшинство среди людей» (Вольтер, 2011, с. 137), советуют ему «не трудиться», так как «эти несчастные» земляне «сами достаточно трудятся над своим уничтожением»: «Если бы даже они не воевали, всё равно голод, тяжелый труд и невоздержание прикончили бы почти всех. К тому же карать надо вовсе не их, а ту кучку домоседов-варваров, которые, не выходя из своих кабинетов и занимаясь пищеварением, отдают приказы об убийстве миллионов людей и потом устраивают благодарственные молебствия Богу» (Вольтер, 2011, с. 136). «Сострадание к маленькому роду человеческому» у инопланетного «путешественника» (Вольтер, 2011, с. 137) могли вызвать и фантастические картины Толстого в «Сказке об Иване-дураке...», когда «цари» «всех молодых без разбора» «забывают» в солдаты и придумывают «по воздуху летать и бомбы разрывные сверху кидать» (1937, т. 25, с. 130) для уничтожения народов. О том, как разрабатывалась военная тема в рукописях «Сказки об Иване-дураке...», мы писали подробно ранее (Сизова, 2023, с. 417, 418, 421).

Признаками литературного жанра утопии в изображении «царства Ивана-дурака» (идеальная модель общества, всеохватность, дидактизм, особая организация эпилога, который разомкнут во времени) произведение Толстого сближается с сочинением английского гуманиста, государственного деятеля и писателя Томаса Мора (1478-1535) «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1511-1516). Рассуждение Томаса Мора о том, что стремление к личному обогащению пагубно при созидании общего блага, было настолько созвучно гуманистическим принципам Толстого, что писатель трижды пересказывал его в виде изречения в своих книгах афоризмов «Для души» (1909), «Круг чтения» (1904-1908) и «На каждый день» (1906-1910): «Я вижу всюду заговор богачей, ищущих своей собственной выгоды под именем и под предлогом общего блага» (Толстой, 1956, т. 40, с. 378; 1957, т. 41, с. 353; 1929, т. 43, с. 322).

Афоризм Толстого, вероятно, восходит к последним страницам первой части «Утопии» («первая» и «вторая» книги «беседы»), к выводам Томаса Мора о частной собственности, которая являлась причиной многих зол общественного строя Англии XVI в.: «Один единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где есть своя собственность»; «Распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности» (1935, с. 90, 91).

«Утопийцы» в «Золотой книге» Томаса Мора признавали «общественные законы о распределении удобств жизни», один из них гласил: «Заботиться о твоей выгоде, не нарушая этих законов, есть требование благоразумия, а иметь в виду также и интересы общественные – твой долг» (1935, с. 139). Однако эти законы не распространялись на власть имущих: «Прежде всего все короли в большинстве случаев охотнее отдают свое

время только военным наукам... чем благим деяниям мира; затем государи с гораздо большим удовольствием, гораздо больше заботятся о том, как бы законными и незаконными путями приобрести себе новые царства, нежели о том, как надлежаще управлять приобретенным» (Мор, 1935, с. 52).

Толстой, однако, не соглашался с тем, что Томас Мор разделит общество на касты в «Золотой книге». «Томас Мур не мог себе представить и Утопию без рабства», – отмечал писатель в антивоенной статье 1896 г. «Приближение конца» (Толстой, 1954, т. 31, с. 84). Действительно, в «Утопии» Томаса Мора есть социальная категория «рабов» (“*Servi*”) – людей, приговоренных к пожизненным принудительным работам (глава «О рабах»). Происхождение их двояко – плен или приговор (Мор, 1935, с. 15). «Утопийцы не считают рабами ни военнопленных, кроме тех, кого они взяли сами в бою с ними, ни детей рабов, ни, наконец, находящихся в рабстве у других народов, кого можно было бы купить. Но они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние, или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление» (Мор, 1935, с. 155).

«Не могли себе представить человеческого общества без рабства» (Толстой, 1954, т. 31, с. 84) и упоминаемые в письме Н. Н. Страхова к Толстому от 26 октября 1885 г. английский философ Фрэнсис Бэкон (1561-1626) в его сочинении «Новая Атлантида» (1623, первая публикация – 1627) и древнегреческий философ Платон (428/27 – 348/47 гг. до н. э.) в его утопическом идеальном «Государстве» (360 г. до н. э.). «Государство Бенсалема» в «Новой Атлантиде» представляло собой общество, основанное на принципе собственности, на классах и различии в состояниях (Бэкон, 1954, с. 154). Важную роль играли в этом обществе деньги: ими щедро награждались изобретатели за открытия, «тирсаны» (главы знатных семейств) и приехавшие иностранцы. В «бенсалямском» обществе были господа и слуги. В «Доме чужестранцев» «человек с жезлом» сообщает путешественникам: «Вы ни в чем не будете терпеть нужды; к вам приставлено шесть человек, которые будут выполнять все ваши поручения» (Бэкон, 1954, с. 10). Даже молодым научным сотрудникам «Соломонова дома», «общества для познания истинной природы всех вещей» (1954, с. 23), полагался многочисленный штат слуг (Бэкон, 1954, с. 155).

Основным условием и принципом совершенного государственного устройства Платон (2015, с. 376) считал «справедливость», которая определяла черты политического строя и нравственные добродетели граждан. Философ разделял функции и виды работ между специальными сословиями, или классами. К низшему классу в иерархии государства относились граждане, занятые специализированным общественным трудом: строители домов, изготовители одежды, инструментов и орудий труда, скотоводы, купцы, торговцы, наемные работники и пр. (Платон, 2015, с. 377-378). Высшие классы состояли из воинов и правителей-философов. Нравственные черты работников хозяйства Платон (2015, с. 378-379) ставил ниже нравственных достоинств воинов-стражей и правителей государства. «В образцово устроенном государстве жены должны быть общими, дети – тоже, да и всё воспитание будет общим; точно так же общими будут военные и мирные занятия, а царями надо всем этим должны быть наиболее отличившиеся в философии и в военном деле» (Платон, 2015, с. 269).

«Одно из частных проявлений христианства, – полагал Толстой в статье “Приближение конца”, – мысль о том, что человечество может жить без рабства, хотя и включена была в идею христианства, ясно была выражена, как мне кажется, только у писателей конца XVIII столетия. До этого же времени не только древние язычники – Платон и Аристотель, но люди близкие к нам по времени и христиане не могли себе представить человеческого общества без рабства. <...> Точно так же и люди начала нынешнего столетия не могли себе представить жизни человечества без войны» (1954, т. 31, с. 84). Толстой был убежден, что со временем война уничтожится, но «не совершенно», как «не совершенно» уничтожено рабство: «Очень может быть, что военное насилие еще останется, как остался наемный труд после уничтожения рабства» (1954, т. 31, с. 84).

В «Сказке об Иване-дураке...» Толстой показал свое видение «справедливого» устройства общества, в котором нет рабства, наемного труда, войн и прочих видов насилия на примере аллегории «царства Ивана-дурака». «Не плохо жил и Иван-дурак. Как только похоронил тестя, снял он своё царское платье – жене отдал в сундук спрятать, – опять надел посконную рубаху, портки и лапти обул и взялся за работу» (Толстой, 1937, т. 25, с. 129). На слова о том, что Иван является царем и поэтому может не работать, тот со смехом отвечает: «И царю жрать надо». В идеальном «царстве» Ивана все работают, нет чиновников и министров («пускай навоз вывозят, они много его нанавозили»), системы судопроизводства. Жена Ивана «посняла царское платье, положила в сундук, пошла к девке немой работе учиться. Научилась работать, стала мужу подсоблять» (Толстой, 1937, т. 25, с. 129). Из «Иванова царства» убежали все «умные», остались только одни «дураки»: «Денег ни у кого не было. Жили – работали, сами кормились и людей добрых кормили» (Толстой, 1937, т. 25, с. 129).

Иван и «дураки» жили без войска. «Не годится царю без войска жить», – недоумевает «старый дьявол». Иван же видит назначение войска в том, чтобы солдаты «половчее» песни играли (Толстой, 1937, т. 25, с. 132). Дураки отказывают «воеводе» («старому дьяволу») «в солдаты идти»: «Не сказываешь, что с нами в солдатстве будет. Сказывают, и солдат до смерти убивают» (Толстой, 1937, т. 25, с. 133). Никакого сопротивления Иван и «дураки» не оказывают нападающему войску «тараканского царя»: «Походили, походили солдаты, видят – нет войска; а всё народ живет, кормится и людей кормит, и не обороняется, и зовёт к себе жить». «Отведи нас в другое место, – просят солдаты “тараканского царя”, – ...добро бы война была, а это что – как кисель резать. Не можем тут больше воевать» (Толстой, 1937, т. 25, с. 134).

В научной литературе принято считать, что Толстой в своей сказке переработал фольклорные сюжеты о трех братьях и о победе человека над нечистой силой, широко представленные в собрании русских народных сказок А. Н. Афанасьева (Арденс, 1962, с. 413-415; Гусев, 1970, с. 464-465; Бирюков, 2000, с. 35; Кущенко, 2009, с. 105-106). Действительно, сказки А. Н. Афанасьева были хорошо знакомы писателю, в 1879 г. он упомянул их в своей

записной книжке (Толстой, 1952, т. 48, с. 252). Толстой по-своему использовал зачин русской народной сказки «Иван-дурак» из собрания А. Н. Афанасьева (№ 430): «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой. У них было три сына, третьего звали Иван-дурак. Первые двое женатые, а Иван-дурак холостой; два брата занимались делом, управляли домом, пахали и сеяли, третий же ничего не делал» (1957, с. 236).

В сказочной истории двух старших братьев, деловых людей, и младшего, дурака, судьба дурака всегда оказывается счастливее судьбы его практически настроенных братьев. Как отмечали Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан (2001, с. 155), образ *дурачка* в сказках «Сивко-Бурко», «Конек-Горбунок», «Незнайка», «По щучьему велению» сочетал в себе неприглядный внешний вид и подчеркнута выделяемую красоту внутреннего мира. Выбирая в своем произведении главным лицом этот тип героя, Толстой следовал важной идейной установке жанра – «проверке нравственных качеств одариваемого человека». «Герой волшебной сказки проходит не только через фантастические испытания, но и через испытание доброты, трудолюбия, отзывчивости, терпеливости, смелости, уважения к старшим. Философский смысл жанра можно определить так: наделение обделенного, но достойного» (Зуева, Кирдан, 2001, с. 155).

Другие фольклорные темы и жанры тоже повлияли на поэтику литературной сказки Толстого. Так, «Семен-царь» отправился завоевывать «индейского царя», но потерпел поражение: «Забрал индейский царь Семеново царство, а Семен-воин убежал куда глаза глядят» (Толстой, 1937, т. 25, с. 131). Сюжет о завоевании Индии был распространен в сказаниях русского героического эпоса, в вариантах былины о походе богатыря Вольхи-Вольги («Как Вольга индейским царем стал»): «Гой еси вы, дружина хоробрая! / Ходите по царству индейскому, / Рубите старого, малого, / Не оставьте в царстве на семена!» (Пропп, 2021, с. 104).

Волх расправляется с индейским царем Салтаном Ставрुльевичем и берет за себя его молодую жену, а дружину он женит на девушках. Песня кончается картиной дележа добычи. Волх становится индейским царем, наделяет дружину золотом и серебром, табунами коров и коней. Волх и дружина не возвращаются в Киев; все, пережившись, остаются в Индии (Пропп, 2021, с. 104). Следует обратить внимание на то, что, работая над былинной о Вольге для «Азбуки» (1872), из вариантов похода Вольги (он водил свою дружину в Золотую орду, в Турецкую землю, к «Индейскому царству») Толстой (сам участник турецкой компании) избрал турецкий вариант (Бабаев, 1981, с. 19). «Индейское царство» описывает также древняя былина о Дюке Степановиче. Дюк во всех вариантах былины неизменно изображается как боярский сын; очень часто о нем поется так: «Во Индии жил молодой боярин Дюк Степанович» (Пропп, 2021, с. 661).

Мотив «воеводства» в изображении «старого дьявола» в «Сказке об Иване-дураке...» – еще одна деталь русского героического эпоса. К Семену-воину «старый дьявол» пошел «не в своем виде, а оборотился воеводой» (Толстой, 1937, т. 25, с. 130). «Обделал старый дьявол обоих братьев и пошел к Ивану. Оборотился старый дьявол в воеводу, пришел к Ивану, и стал его уговаривать, чтоб он у себя войско завел» (Толстой, 1937, т. 25, с. 132). Былины сохранили образ воеводы Добрыни Никитича, прототипом которого считают дядю и воеводу Владимира Святого. «Из общего культурного и изящного облика Добрыни многие ученые делали вывод о княжеском происхождении Добрыни; указывалось, что в летописи он слывет дядей Владимира, а в эпосе – его племянником» (Пропп, 2021, с. 256).

Рязанским боярином и воеводой был русский богатырь Евпатий Коловрат. Страшное нашествие Батые и разорение Рязанского княжества в 1237 г. дали тему «Повести о разорении Рязани» (списки XVI и XVII вв.), автор которой создал образ неустрашимого богатыря Евпатия Коловрата с дружиной: «И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингоревичем, и услышал о нашествии зловредного царя Батые, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро» (Русская литература..., 1988, с. 95-97).

С темой воеводства также связаны русские богатыри «крестьянский сын» Илья Муромец и Алеша Попович. Так, черниговцы предлагают Илье воеводство после его победы над Соловьем-разбойником (Пропп, 2021, с. 346-347): «Будь-ко ты у нас воеводою, / Береги нас от поганных от татаровей» (Пропп, 2021, с. 346). Или: «Живи во нашем Смолягине воеводою, / Суды суди все правильно, / Мы все будем тебя слушати» (Пропп, 2021, с. 346). Существует версия, что былинный Алеша не является созданием народной фантазии, а восходит к неоднократно упоминаемому в летописях «храбру» (витязю) Александру Поповичу (Пропп, 2021, с. 295).

В «Сказке об Иване-дураке...» на «Иваново царство» нападает «тараканский царь» по наущению «воеводы» – «старого дьявола». «Перешел тараканский царь с войском границу, послал передовых разыскивать Иваново войско» (Толстой, 1937, т. 25, с. 133). Эпитет «тараканский» встречается в загадках о звездах и месяце («На море на Коробанском много скота тараканского, один пастух королецкий»; «Широко поле карагайское, на нем много скота тараканского, один пастух, ровно ягодка»). Соотнесение понятий «небо» и «море» нередко в славянской загадке; для соблюдения цельности развернутой метафоры понятие «небо» заменилось со временем или в разных диалектах на понятие «поле» (Журавлев, 2005, с. 441).

Топоним «Тараканское царство» в произведении Толстого также может восходить к названию древнерусского Тмутараканского княжества на Таманском полуострове (X-XII в.), упоминаемого в «Слове о полку Игореве» (конец XII в.). «Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встретился Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой, Волге и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол» (Русская литература..., 1988, с. 95-97).

Заключение

Таким образом, мы пришли к заключению о том, что по своим жанровыми особенностям «Сказка об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого представляет собой оригинальную форму литературной сказки, близкой своей проблематикой философской повести и социальной утопии. Критик Н. Н. Страхов (письмо к Толстому от 26 октября 1885 г.) заявил о связи сказки Толстого с философскими повестями Мари-Франсуа Аруэ Вольтера и с социальными утопиями Томаса Мора, Фрэнсиса Бэкона и Платона. До настоящего времени точка зрения Н. Н. Страхова оставалась вне исследовательского интереса литературоведов, обращавшихся к анализу фольклорной основы сказки (П. И. Бирюков, Н. Н. Арденс, Н. Н. Гусев, З. А. Кущенко) или к осмыслению социальных вопросов, остро поставленных здесь Толстым (В. Б. Шкловский, Г. Н. Ишук, Е. А. Маймин). В отличие от наших предшественников, изучая жанровую природу «Сказки об Иване-дураке...», мы обосновываем ее сложную форму, многоголосие разных структур в рамках единого художественного целого. Полагаем, что это художественное решение позволило автору поставить в произведении социально-политические темы (ретроспектива видов рабства, идеал социального устройства, соотношение умственной деятельности и физического труда в жизни человека и общества) и дать их религиозно-философскую и этическую оценку (идеи освобождения от рабства, ненасилия, непротивления, любви к людям).

По нашему наблюдению, к признакам философской повести в «Сказке об Иване-дураке...» можно отнести: 1) морализацию и дидактизм, выразившиеся в идейно-тематическом единстве замысла (идеи освобождения от рабства, ненасилия, непротивления, любви к ближнему); 2) построение сюжета как доказательства и (в случае Толстого) одновременного опровержения антагонистических философских тезисов (антитеза аллегорий о «царствах» «Семена-воина», «Тараса-брюхана» и «Ивана-дурака»); 3) введение в повествование героев – носителей авторских идей (образ «Ивана-дурака»).

Нам также представляется верной версия Н. Н. Страхова о чертах социальной утопии в «Сказке об Иване-дураке...». К основным их проявлениям у Толстого относим: 1) картину идеального общественного устройства (аллегория «царства Ивана-дурака»), подробно регламентированную (труд – отдых – нравственное совершенствование – ненасилие – любовь ко всем); 2) изображение антиутопий (аллегии «царств» «Семена-воина», «Тараса-брюхана», эпизод «Господин чистый на каланче» как вид художественной сатиры на европейские научные теории о разделении труда).

Как показал проведенный анализ, с философами, перечисленными Н. Н. Страховым в письме к Толстому от 26 октября 1885 г. (Вольтер, Мор, Бэкон, Платон), у Толстого было единомыслие по одним вопросам (Вольтер, Мор) и расхождение – по другим (Мор, Бэкон, Платон). На наш взгляд, наиболее близок Толстому пацифизм Вольтера в «Микромегасе», к которому очевидно восходит идея о ненасилии «Сказки об Иване-дураке...» и статьи «Одумайтесь!». Толстой и Вольтер как писатели-гуманисты предостерегают человечество от войн, бескомпромиссно критикуют правителей, отправляющих людей на смерть.

Приходится признать: антивоенные воззрения обусловили восприятие Толстым социальных утопий Мора («Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии»), Бэкона («Новая Атлантида») и Платона («Государство»). С одной стороны, Толстой уравнивал рабство и войны, считая войны продолжением рабства в истории (в статье «Приближение конца» писатель говорил о том, что в древности люди не представляли себе жизнь без рабства, а теперь не могут жить без войн), с другой стороны, – он выступал против *всех* видов рабства (в том числе и в «Сказке об Иване-дураке...» на примере аллегии «царства Ивана-дурака») и с этой позиции критиковал классовые «утопии» Мора, Бэкона и Платона.

Считаем, что неприятие корыстного стремления правителей («богачей») к личному обогащению в войнах и при устройстве государств объединяет Толстого с Вольтером и Мором (книги афоризмов «Круг чтения», «Для души», «На каждый день»). Но в «Золотой книге» Мора Толстому еще очень близка идея о «зле» частной собственности (с его точки зрения, очередной формы рабства в истории), которая разовьется в «Сказке об Иване-дураке...» на примере аллегии «царства Тараса-брюхана», и идея «общего блага», когда речь идет о необходимости для каждого человека «работать» на пользу общества (аллегория «царства Ивана-дурака»).

Мы также приходим к выводу о том, что темы и сюжеты, образы и художественные детали фольклора и древнерусской литературы Толстой развивает в «Сказке об Иване-дураке...» в ракурсе своего этического учения и в рамках своей социальной философии, в некоторых местах – как художественную «стилизацию». Трудно согласиться с В. Б. Шкловским в том, что литературная сказка Толстого не имела в своей основе заимствований из фольклора. На наш взгляд, писатель ставил своей задачей не столько заимствование сюжетов о «троичности» братьев («Иван-дурак») или о победе человека над нечистой силой, сколько заимствование для своего произведения *типа* главного героя волшебной сказки («Сивко-Бурко», «Конёк-Горбунок», «Незнайка», «По щучьему велению»), в котором была подчеркнута красота внутреннего мира человека (Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан). Именно вокруг сказочного героя «обделенного, но достойного» Толстой-художник создал свою социальную утопию (аллегория «царства Ивана-дурака»).

В ходе проведенного исследования мы расширили имеющиеся сведения о фольклорной рецепции и впервые ввели в научный оборот сведения о вероятной рецепции из древнерусской литературы в «Сказке об Иване-дураке...», раскрыв происхождение топонимов «индейский» и «тараканский», мотива «воеводства» «старого дьявола». Как было установлено, Толстой опирался на былины о Вольге, Дюке Степановиче, Добрыне Никитиче, Илье Муромце и Алеше Поповиче, на загадки о звездах и месяце; ему были хорошо знакомы история рязанского вельможи Евпатия Коловрата из «Повести о разорении Рязани Батыем» (списки XI и XVII вв.) и поэтические подробности «Слова о полку Игореве» (конец XII в.). Не вызывает сомнений: синкретизм

литературных и фольклорных жанров в «Сказке об Иване-дураке...» придал этому произведению яркую индивидуальность и побудил современников рассматривать «народные рассказы и легенды» писателя как «*настоящее литературное событие*» (Буренин, 1888, с. 227).

В качестве перспектив дальнейшего изучения идейно-тематического и жанрового своеобразия «Сказки об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого можно назвать выявление историко-литературного контекста (генезиса) ее смысловых доминант: жанровых черт политической сатиры («царства» «Семена-воина» и «Тараса-брюхана», эпизод «Господин чистый на каланче») и социальной утопии («царство Ивана-дурака»).

Источники | References

1. Арденс Н. Н. (Апостолов Н.). Творческий путь Л. Н. Толстого. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
2. Бабаев Э. Г. Очерки эстетики и творчества Л. Н. Толстого. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981.
3. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого: в 2-х кн. М.: Алгоритм, 2000. Кн. 2.
4. Буренин В. П. Критические этюды. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888.
5. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М.: Наука, 1970.
6. Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2005.
7. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Методы изучения литературы. Системный подход: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002.
8. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений. Изд-е 3-е. М.: Флинта; Наука, 2001.
9. Ищук Г. Н. Эстетические проблемы народных рассказов Л. Н. Толстого. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1966.
10. Кущенко З. А. «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» // Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009.
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001.
12. Маймин Е. А. Лев Толстой. Путь писателя // Маймин Е. А. О русском романтизме. Русская философская поэзия. Лев Толстой. Путь писателя. Воспоминания. Переписка / под ред. Н. Л. Вершининой и Е. Е. Дмитриевой-Майминой. Псков: Псковская областная типография, 2015.
13. Николаева Е. В. Художественный мир Льва Толстого: 1880-1890-е годы. М.: Флинта, 2000.
14. Прокпочук Ю. В. «Сказка». История создания, реальный комментарий // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100-та т. М.: Наука, 2014. Т. 9. Художественные произведения 1863-1884 / ред. тома П. В. Палиевский.
15. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021.
16. Сизова И. И. «Сказка об Иване-дураке...» Л. Н. Толстого (1885-1886): проблема редакций // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 4.
17. Стороженко Н. И. Очерк истории западноевропейской литературы. Лекции, читанные в Московском университете. Изд-е 3-е. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912.
18. Фудзинума Т. Народные рассказы Л. Н. Толстого 1880-х годов // Толстовский ежегодник – 2003 / под общ. ред. В. Б. Ремизова. Тула: Дизайн-Коллегия, 2006.
19. Шкловский В. Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963.
20. Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989.

Информация об авторах | Author information

Сизова Ирина Игоревна¹, к. филол. н.

¹ Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Sizova Irina Igorevna¹, PhD

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Moscow

¹ u_sizova@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.12.2023; опубликовано online (published online): 09.02.2024.

Ключевые слова (keywords): жанр литературной сказки Л. Н. Толстого; произведение «Сказка об Иване-дураке...»; переписка Н. Н. Стрехова и Л. Н. Толстого; религиозно-философские и публицистические сочинения Л. Н. Толстого; жанр философской повести (Вольтер); жанр социальной утопии (Т. Мор, Ф. Бэкон, Платон); трансформация литературных и фольклорных жанров; genre of the literary fairy tale by Leo Tolstoy; work “Ivan the Fool”; correspondence between N. N. Strakhov and Leo Tolstoy; religious, philosophical and journalistic writings by Leo Tolstoy; philosophical novella genre (Voltaire); social utopia genre (Th. More, F. Bacon, Plato); transformation of literary and folklore genres.